

СТРАКЕР

Александр Собянин

[ПОДМОСКОВЬЕ]
ПАДЕНИЕ В БЕЗДНУ

Александр Анатольевич Собынин
Подмосковье. Падение в бездну
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Подмосковье», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67392386

Подмосковье. Падение в бездну: [фантастический роман] / Александр

Собынин: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-147383-9

Аннотация

Сталкер Алгоритм возвращается в подмосковную Зону после продолжительного лечения. За это время на проклятой территории все изменилось – и ничего не меняется: военные, мародеры, целые кланы и отчаянные одиночки живут по своим законам и стараются навязать эти законы всем окружающим. Мутанты следуют новообретенным инстинктам и уничтожают все, что шевелится. Корпорации по-прежнему заинтересованы в разработках на основе аномальных энергий, а значит, коммерческая ценность артефактов не снижается.

Но если бы не вынужденная помощь старому товарищу, Алгоритм спокойно прошел бы и мимо разборок, и мимо хабара. Потому что в Подмосковье он вернулся не за этим. Ему нужна информация о том, что случилось с Верой – девушкой, которую

ему пришлось оставить полгода назад посреди запретной Зоны в весьма непростой ситуации.

Содержание

Вместо пролога	6
Глава 1	14
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Александр Собынин

Подмосковье.

Падение в бездну

Серия «СТАЛКЕР» основана в 2012 году

© Собынин А., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Вместо пролога

Тяжелый армейский ботинок с высоким верхом ступил на самую кромку частично обрушенной стены. Вниз, на растрескавшийся асфальт, тут же полетели бетонная крошка и мелкие камешки. Человек в потертом темно-сером камуфляже с напряжением, выдающим внезапно возникшую тревогу, бросил короткий взгляд, наблюдая, как камешки, словно шрапнель, рассыпаются в десятках метров под ним. Он слегка поморщился: любой шорох в мертвом городе разносился далеко.

Впрочем, город только казался вымершим, и нельзя было забывать ни в коем случае. За пустынные улицы, проспекты, парки и коробки панельных домов продолжали с остервенением драться люди и возникшие по воле Зоны мутанты. А одинокий путник словно ненароком задумался, зазевался, да вдруг опомнился, взял себя в руки, сосредоточился. В этих давно уже не мирных краях каждый вздох, каждая спокойно прожитая минута теперь ценились на вес золота. На открытом месте долго находиться не рекомендовалось, чтобы твоей персоной не заинтересовались местные твари.

Видно было, что он совсем не новичок. Просто боль какая-то застарелая засела у него в груди. Уже довольно долго не давала она ему покоя. С самозабвением и излишней старательностью рвала она его душу, тисками зажимала, мучая

непрерывно, и справиться самостоятельно он с ней никак не мог. Задумался человек над бездной, снедаемый тоской бытия и безнадежных потерь. В жизни и не у таких, а с гораздо более крепкой психикой людей бывало намного хуже с адаптацией. Так что ему, считай, повезло. Судьбоносные испытания не до конца выжгли его душу. На самом ее дне все еще теплился огонек романтика. Когда-то он и еще несколько безусых молодых парней пришли в Зону. Он единственный выжил из всей той группы, заматерел, стал безжалостен и жесток, когда это бывало нужно, но при этом он всегда с состраданием относился к простым людям и в любом случае протягивал руку помощи. Он стал сталкером. А его молодых и неопытных спутников растерзали чудовища Зоны.

Обнаруживать свое местоположение лишний раз не хотелось. Хотя о своей безопасности в данный момент особенно беспокоиться у него не было никакого желания. Дни, когда его съжившееся тело охватывал страх, заставляя мелкой волной дрожать поджилки, когда приходилось прятать от друзей внезапно взмокшие ладони, минули. Тут бы улыбнуться, да только время адекватно воспринимать самоиронию и юмор прошло окончательно, кануло в Лету. Человеку когда-то приходилось много убивать подобных себе... и не только подобных. Запах крови уже давно не будоражил и не калечил его психику.

У этого сталкера больше не находилось стимула, чтобы отчаянно защищаться и биться за жизнь. Не в том он оказал-

ся положении, чтобы трястись за собственные потроха. Были на то свои неоспоримые и веские причины и обстоятельства. Все страхи и фобии отошли на задний план.

К бою он был подготовлен. К его спине плотно примыкал автомат с подствольным гранатометом, а разгрузка была заполнена зарядами к нему. Еще в разгрузке нашлось место для нескольких автоматных магазинов и бочонков ручных гранат. Под короткой утепленной курткой, которая сейчас была расстегнута, виднелась кобура. Из нее торчала рукоятка пистолета «Удав» с корпусом из полимеров и с посадочным местом под прибор бесшумной стрельбы. Мощный патрон на девять миллиметров, емкость магазина на восемнадцать патронов и неприхотливость в обслуживании делали его незаменимым в Зоне.

Доверху набитый и даже на вид тяжелый рюкзак предполагал наличие в нем не только еды и аптечки, но и все тех же боеприпасов. Мужчина доподлинно знал, что Зона, даже если благоволит к сталкеру, завсегда приготовит ему множество испытаний.

Непознанные силы природы встали на пути человека, с легкостью сметая следы его пребывания на земле. Расползшаяся по территории Подмосковья новая Зона перекроила планы сотням тысяч людей. Она поглотила их дома внезапно возникшими разломами, пересекла широкими оврагами частные надель, завладела и отравила души бывших хозяев осознанием неминуемости падения в бездну.

Вначале было всего лишь малозаметное сотрясение на ровном месте. Далее амплитуда толчков стала возрастать. Впоследствии приблизительно на этой территории возник крохотный холмик. Никто не догадывался, а в глубинах, подобно гнойному нарыву, зрел будущий вулкан, вот только состоял тот нарыв не из раскаленной лавы, а из невидимой для человеческого глаза аномальной энергии. А потом – жажнуло...

Компетентные органы приняли меры и огородили бетонными надолбами и рядами колючей проволоки опасный участок, озаботились вводом частей внутренних войск с принадлежащей им военной техникой. Только вот природа, словно заразившись неизвестно откуда взявшимся неизлечимым вирусом, проявила неожиданное упорство. Остатки тех людей, кому повезло выжить в крошечном аду Зоны, были вывезены за пределы аномального сектора.

Дальше дело пошло с утроенной силой. Флора и фауна на закрытой территории вдруг стали мутировать. Возникли крайне враждебные человеку формы жизни. Особи, подвергшиеся ускоренным метаморфозам, стали пожирать своих конкурентов и братьев и постоянно совершенствовали свои навыки. Многие люди по какой-то необъяснимой причине тоже подверглись аномальной трансформации. Получив необычайные способности, новый тип людей начинал их использовать в своих целях, не гнушаясь ни убийствами, ни простым подчинением разума обычного человека.

Город, давно покинутый практически всеми жителями в жуткой панике, неразберихе и с пальбой отнюдь не в воздух, стал заново наполняться разными маргиналами, искателями приключений и легкой наживы. Негодяи всех сортов и склонностей быстро организовались в банды с жесткой иерархией. Сталкеры вынуждены были собираться в отряды с серьезным вооружением, чтобы пройти сквозь череду бульваров и проспектов хотя бы без ощутимых потерь. Одиночным бродягам, нисколько не боящимся за свою репутацию отъявленных сорвиголов, приходилось обходить населенный пункт по широкой дуге, чтобы остаться в живых или не попасть в руки к садистам.

Некоторая часть жителей также вполне осознанно предпочла на неопределенное время остаться в городе. Они надеялись поживиться чужим добром, брошенными впопыхах ценностями и прочими материальными благами. Отчаянные авантюристы по натуре, они крепко верили в свою счастливую звезду и впоследствии рассчитывали выбраться из города и дальше за Периметр, прежде чем на их горле сомкнутся клыки мутантов. И наконец-то, обладая большими деньгами, заработанными страхом, потом и кровью, зажить в свое удовольствие. Сам город прежде имел до двухсот пятидесяти тысяч жителей, и для поля деятельности различных группировок в нем нашлось приличное пространство.

Но однажды в разных районах города вдруг заработали АГС, пробивая бетонные фасады жилых домов. Началась

беспорядочная стрельба из всех видов легкого оружия...

* * *

Человек находился на высоте четвертого этажа обыкновенного панельного дома, в широкой пробойне в стене некогда жилого помещения. «Не меньше двух сдвоенных снарядов запулили, вояки, – механически отметил он. Вместе с тем он старался вычислить, с какого места стреляли и из какого вида оружия. – Любопытно, что их здесь так заинтересовало, что они такой отчаянный огонь открыли?» Он огляделся по сторонам, пытаясь найти взаимосвязь. Разрушенная комната, покореженные от попадания обломков перегородки. Разлетевшийся вдребезги подоконник, вдоль стен – поломанная мебель, растерзанный взрывной волной диван. Осколки хрусталя и прочие фрагменты разных безделушек валялись повсеместно на полу. Все еще чувствовался застарелый запах гари.

Сталкер, больше не испытывая судьбу, плавным движением натренированного тела отклонился назад, в глубину комнаты, под защиту нетронутых стен.

Через пробоину в стене ощутимо потянуло сквозняком. Человек приободрился. Слабый ветерок принес в помещение свежий воздух. Вот парадокс! Терзаемый людьми и мутантами город безнадежно умирал, а воздух наконец-то стал приобретать первозданную прозрачность и свежесть.

Человек подобрался, когда ветерок зашелестел листвою оставшихся в одиночестве яблонь и кустов сирени. Сумрак, затаившийся среди густых ветвей, настораживал. Мальчишки больше никогда не будут лазать, играя в прятки, по толстым ветвям яблонь. Но это не значит, что там не будет лазать никто! Шевеление крон пробудило в одиночке нечто неосознанное, дремучее. В этом мире любое движение прежде всего вызывало желание полоснуть очередью из автомата – просто так, на всякий случай. Ударь первым – или ударят тебя. Однако на сей раз обошлось, двор внизу был пуст, а в пожелтевших кронах никто и не думал прятаться.

В этом мире потихоньку начинала властвовать осень, а мутанты и аномалии уже несколько месяцев как утвердили свою власть.

Мир, расшатанный появлением еще одной Зоны, сопротивлялся, скрежетал, неизвестно в чей адрес выкрикивал проклятия, но упрямо скатывался в бездну.

Одиночка, тайком преодолев тщательно охраняемый военными Периметр, наведаясь в город только вчера. Любой, хоть единожды побывав в Зоне, психологически навсегда становился ее пленником. Однажды он прикоснулся к ее тайнам, вобрал в себя ее воздух – и с этого момента постоянно возвращался в ареал отчуждения, даже если после очередного рейда, едва оставшись в живых, давал себе клятву больше не пересекать Периметр. Сталкер Алгоритм вновь вернулся в Зону, но теперь его манила не она сама. Он надеялся найти

здесь следы Веры, которую некогда потерял.

На ладонь, которой он опирался о стену, капнуло что-то маслянистое. Алгоритм понюхал ладонь и почувствовал запах яблок. Отстранился и поднял взгляд к потолку. Аккурат над головой, «вверх ногами», разливалась широкая мутно-зеленая маслянистая лужа. Аномалия, мать ее. Добро пожаловать в Зону.

Глава 1

Где-то на окраине постреливали. Едва слышные отголоски автоматной трескотни лишь подчеркивали окружающую меня тишину. И в этой самой тишине совсем неподалеку громом среди ясного неба раздалось несколько глухих ударов. Я вздрогнул от неожиданности и попятился назад, вглубь растерзанной комнаты. Быстро определил, что источник шума находился где-то в районе соседнего невысокого – не выше трех этажей – дома. Сумерки все же позволили мне рассмотреть, как на потемневший от времени шифер полетели обломки досок, которые прежде закрывали отверстие слухового окна. Несколько монстров, отдаленно напоминающих человека, с большой ловкостью выскочили из узкого проема чердака на покатуую крышу. Аномальная энергия новой Зоны успешно поработала над их туловищами. Чрезвычайно сутулые тела внушали опасение своей дикой, несокрушимой мощью. Их предплечья со временем вытянулись, а еще твари успели отрастить приличного вида острые когти, которые успешно помогали им передвигаться по кровле.

У меня по коже пронесся осязаемый холодок. Эти энергичные существа, лишенные волос на голове, были до ужаса расчетливы, кровожадны и опасны. Я с ними уже прежде сталкивался, но тогда они были сыты – короче говоря, не заинтересовались мною. До нас как-то доходила информация,

что эти твари в поношенной, а местами и просто изодранной одежде когда-то влачили жалкое существование в виде зомби. Со временем к ним по неизвестной причине вернулась часть памяти, но дальнейшее очищение рассудка отчего-то замедлилось, зато многократно увеличилась скорость передвижения. Еще упорно ходили слухи, что сталкеры по заданию ученых-медиков доставили в исследовательский центр не меньше трех десятков подобных экземпляров. Вот только, несмотря на медикаментозные и электрошоковые эксперименты, призванные пробудить исконную природу бывших *homo sapiens*, твари абсолютно не шли на контакт и оставались крайне агрессивными.

Дом напротив был довольно-таки старый, еще довоенной постройки. Над почерневшим от времени шифером возвышались кирпичные трубы с выбоинами – часть кладки со временем выпала. Когда-то трубы блистали известковой белизной, сейчас же, в сумерках, казались темными от нанесенной пыли. Высокие антенны еще советского типа бессмысленно вытягивались к небу, колышась на растяжках из толстой проволоки.

Твари, блистая матовой кожей в прорехах изодранной одежды, с диким ором и визгом, передвигаясь где на четырех конечностях, а где пользуясь только ногами, понеслись по крыше к противоположному краю. Здесь они остановились, но не перестали производить шум и гвалт. Они перегнулись головами через край, высматривая что-то внизу.

Заинтригованный их поведением, я, как мышка, играющая с охотящейся кошкой, выдвинулся к входной двери квартиры, временно ставшей мне убежищем. В этом доме я рассчитывал протянуть еще одну ночь до утра – и какого же лешего я сейчас поперся к выходу? Безмерное любопытство когда-нибудь меня подведет.

Теперь только осталось гранату высвободить из установленной мною же растяжки. Я быстро, но очень осторожно обжал бочонок рукой, блокируя запал. Чека на месте. Потихоньку потянул гранату в сторону натяжения и развел усики шплинта. Еще раз поджал шплинт для собственного успокоения. Как-то не хотелось со временем подорваться на собственном боеприпасе.

Я выскользнул в темный подъезд и по уже укоренившейся привычке метнулся в сторону, прислонился к стене. Здесь я замер, давая возможность глазам привыкнуть к мраку, и с напряжением стал прислушиваться. Тихо в подъезде. Сжимая в руках автомат, я принялся неторопливо спускаться вниз. Мои ботинки, сшитые у обувщика на заказ, совершенно не производили шума. Мягкая и толстая подошва с резиновой прослойкой скрадывала все звуки. В этом новом мире бесшумность и незаметность – едва ли не наиглавнейшие условия выживания одиночек. Еще тут нельзя было обойтись без аптечки, качественного продовольствия, надежного оружия и выучки. Деньги и ценности для выживания в этом мире практически не имели значения. Опыт, сообразитель-

ность и осторожность ценились куда больше.

Колеблясь, я нацепил на голову устройство с очками ночного видения. Весь мир сразу раскрасился штрихами и контурами темно-зеленого цвета. Я немного постоял, привыкая к такой мозаике.

Входная дверь подъезда беззвучно выпустила меня на улицу. Еще бы ей скрипеть, если я заранее смазал ее солидолом! Когда рассчитываешь пробыть в убежище пару дней, лучше побеспокоиться даже о таких мелочах.

Стрельба на окраине постепенно начала затихать, зато неподалеку безмолвие заброшенного города разорвала автоматная очередь. Я моментально определил местоположение стрелка: как раз там, куда так напряженно и взволнованно всматривались, свисая головами с крыши, лысые монстры.

Я перебежал улицу и приткнулся спиной к стене дома, на кровле которого по-прежнему гомонили твари. Еще раз неторопливо осмотрел ближайшие мрачные и запыленные окна домов, края крыш с обломанным шифером.

Темно-серый камуфляж отлично помогал мне «потеряться» на улицах на фоне асфальта и стен. Но до угла дома я добрался в темпе. Здесь какое-то тело, даже и не сообразишь в сумерках и спешке, человек или мутант, внезапно со скоростью ветра вылетело на меня. Я еще только замахивался, пытаюсь определить, друг передо мной или враг, а оппонент уже бил меня прикладом автомата в лицо. Я как-то совершенно на инстинкте увернулся, выставил предплечье и по-

лучил осязаемый удар по касательной. Выравшееся у моего противника матерное ругательство помогло мне вовремя сориентироваться и не нанести ответный удар. Мутанты предпочитали выражать свои эмоции визгом или другими непотребными для человеческого восприятия звуком, но только не отборным матом. Теперь становилось хотя бы ясно, что передо мной человек. Только друг или враг?

Я поспешно отступил, сорвал с лица очки ночного видения, не забыв ненавязчиво направить ствол автомата в корпус визави. Черты изрядно перепачканного лица показались мне знакомыми.

– Алгоритм, мать твою, какого хрена ты тут мне наперерез бросаешься? – взревел незнакомец, как бы ненароком, но очень быстрым движением руки отодвигая ствол моего автомата в сторону.

– Интернет, засранец, какого черта ты меня прикладом lupишь, если я тебе на помощь выдвинулся? – обрадованный неожиданной встречей, возопил я, потирая ушибленное предплечье и локоть.

Пашка-Интернет, невысокого роста коренастый молодец, в данный момент был чумаз лицом, словно побывал в дыму грандиозного пожара, но забыл посетить баню. Одежда его была весьма изодрана и выглядела крайне непредставительно. Соломенного цвета волосы стали серыми от отсутствия контакта с мыльной пеной и торчали во все стороны из-под повязанной банданы.

Пашка сгреб меня в охапку и проскрипел:

– Придурки какие-то прицепились, а я с ходки возвращался, и боеприпасов с гулькин нос, вдарить по ним?

– Конечно, вдарю. Отчего ж не вдарить?

Паша скользнул за мою спину, присел на одно колено и принялся выгребать из карманов камуфляжа горсти патронов. Ими он стал набивать пустой автоматный магазин, успевая о чем-то вполголоса причитать. Похоже, в очередном рейде, да еще оставшись в одиночестве, он хлебнул немало неприятностей. Патроны были все еще в фабричной смазке, но Пашку сей факт несколько не беспокоил. Его ладони и так были очень грязны.

Я осторожно выглянул из-за угла. Четыре тени, профессионально прикрывая друг друга, выскользнули из подъезда и заторопилась в нашу сторону. Я повернулся к приятелю и прошептал:

– Там четверо. Перемещаются в нашу сторону. Это они за тобой охоту устроили?

– Да, они самые, – страдальческим голосом проговорил Паша. – Вали их, на хрен! Или хотя бы отпугни. Фляжка твоя где? Кинь мне, а? Пить я хочу очень. Почти двое суток без воды. Обезводился весь.

– Сейчас я их гранатой угощу, – прошептал я, твердо зная, что Пашка услышит. Сталкеры в Зоне не в бирюльки играют, у них со временем все чувства обостряются. – Сейчас, сейчас, пусть только поближе подойдут.

Бочонок гранаты покатился к ногам преследователей моего друга. Я успел еще раз выглянуть за секунду до взрыва. Неизвестные враги, подтверждая свою высокую квалификацию, без каких-либо звуков рванулись в стороны, а потом попадали на асфальт ногами по направлению к взрывному устройству. Автоматы под себя, левые руки синхронно прикрыли шеи...

Ощутимо грохнуло. Осколки с шипением вошли в стены ближайших домов. Мутанты на крыше заверещали, стали возбужденно носиться по шиферу, порождая когтями отвратительный скрежет. Я забеспокоился, как бы ненароком одна из тварей не сверзилась прямо перед нами на асфальт. Тогда вся эта смертельно опасная орда ринется вниз, наружу – выручать своего друга. А тут мы с Пашкой.

Я вновь на мгновение выглянул из-за угла и оценил обстановку. Трое врагов ускоренным маршем покидали место схватки. Они засекли мое местоположение и на бегу огрызнулись короткими очередями. Оставшийся в одиночестве раненый пробежал всего лишь несколько шагов, а теперь корчился на тротуаре, хватаясь за бок между пластинами бронежилета, и громко стонал. Кровь обильно поливала асфальт. Не жилец, одним словом, парень. Хотя как знать – вдруг у него исцеляющие артефакты припасены?

Стрелять вслед убежавшим я не стал. Раненый – если, конечно, бойцы сообразоволят за ним вернуться – станет ощутимой помехой в преследовании, и они от нас отвяжутся. А

вот если я сокращу их численность, единственный выживший из всей группы, возможно, и не станет тащить на себе товарища, а сосредоточится на мести. Стрелять из своего укрытия я к тому же остерегался из-за того, что твари на крыше сразу же нас обнаружат и начнут активное преследование. Гранату, которую я швырнул из-за угла, они вряд ли ассоциируют со мной.

Пашкины преследователи тоже не рискнули ни единой очереди послать в сторону беснующихся на крыше тварей. Очень жаль. Я так надеялся, что они проявят неосторожность.

Пашка сейчас совсем плохо выглядел, чтобы можно было назвать его полноценной боевой единицей. Посерел и как-то съезжился, что ли. Видать, крепко ему досталось за последние дни. Не справиться мне с такой обузой, когда и если придется отбиваться от стаи человекоподобных мутантов. Кроме невероятной физической силы, они еще обладали неплохими зачатками ментального воздействия. Этой своей способностью они пользовались, когда находились в спокойном состоянии, а не в таком взбудораженном, как сейчас. В головах у них что-то значительно перемкнуло, иначе они смогли бы вполне реально контролировать разум человеческих особей хотя бы на территории своего обитания. Но ведь по закону подлости они могли начать с меня, верно?

Я подал другу руку, Пашка за нее уцепился и поднялся на ноги, пошатнулся от слабости и тут же стыдливо отвел

взгляд. В подобной ситуации слова излишни. Нужно было срочно уходить и искать надежное убежище. Тех маргиналов, что так поспешно ретировались с места короткого боя, я особо не боялся. Они уже догадались, что в их почти беспроигрышной партии появился новый игрок, способный создать им множество неразрешимых проблем. Но вот лысые меня напрягали конкретно.

Паша указал на подъезд дома напротив.

– Нельзя туда, твари могут заметить, где мы скрылись, – сказал я и потянул его за собой в ближайший подъезд. – Тут нас хотя бы козырек прикроет. Ферштейн? А там осмотримся, разберемся.

Возбужденные монстры все еще скакали на крыше над нашими головами.

– Как бы любопытство не заставило их спуститься вниз, – забеспокоился Интернет. – Наваляют по полной программе.

И точно: словно прочитав его мысли, мутанты понеслись по шиферу в сторону слухового окна. Через него они ринулись на чердак, а оттуда, судя по звукам, минуя ступени, высыпали на лестничную площадку. Не люди, а обезьяны какие-то, честное слово! Я бросил в сторону раненого, корячившегося на асфальте, светошумовую гранату. Лысые наверняка заинтересуются эффектом и, даст бог, вернуться на крышу. Нам же давалась возможность зашухариться у них под носом, в одной из квартир.

Жахнуло. Заверещали лысые чудовища, толкаясь возле

слухового окна: одни стремились попасть на чердак, другие перли обратно, изнемогая от любопытства, что это на улице так громко бумкнуло. Раненый бедолага придушенно завопил. Подлю я поступил, чего уж там, но надо же как-то выживать. Ведь не я первый начал, верно?

Я затащил Пашу в подъезд, оставил его на площадке между первым и вторым этажом и в темпе пробежался по ступеням наверх. Где-то в районе чердака шумно возились твари. А ведь до них всего три лестничных пролета! Я заволновался, скатился обратно, подцепил Пашку и поволок его на второй этаж. Одна из дверей квартир оказалась приоткрыта, словно приглашая нас внутрь.

Пашка повис на мне мешком, но мужественно молчал. Я осторожно подпихнул дверь Пашкиным телом и заволок его в прихожую. Скинул рюкзак. Снова высунулся на лестницу, повел стволом автомата туда-сюда – нет, пока нас никто не засек. Я прикрыл дверь и осторожно повернул запорный механизм. Все эти действия я умудрился проделать практически в полной тишине. Итак, мы внутри.

Своему товарищу я прежде всего сунул в руки фляжку с водой. Паша быстро схватил ее, моментально приник к горлышку и стал жадно пить, прямо на глазах оживая. Я тем временем напялил очки ночного видения и вихрем промчался по комнатам – пусто. Уже хорошо, значит, не ждет нас какой-нибудь сюрприз посереде боя. Воевать я с тварями, конечно же, не собирался. Но допускал, что рано или позд-

но они вычислят наше местонахождение и попытаются прорваться. Замок-то на двери почти сейфовый, а вот коробка – так себе, на пару ударов. Пришедший в себя Интернет на четвереньках отполз в дальний угол комнаты – очень даже разумно. Сам я присел на пол у окна и прислонился спиной к стене. Напротив через всю комнату и коридор находилась входная дверь. Я направил автомат на нее.

Надоедливые мутанты не заставили себя долго ждать. Они с шумом промчались мимо нашей двери, устремляясь на улицу. Их очень интересовало тело раненного нами врага. Я даже в кошмарном сне не хотел бы наблюдать расправу, которую они учинят над ним. Твари мигом вспорют ему живот и начнут пожирать внутренности. Я уже такое не единожды видел – когда родной городок только превращался в Зону. Правда, тогда в роли чудовищ выступали псы...

Вдруг гвалт разом стих в районе первого этажа. Мы с Пашкой обменялись понимающими взглядами. Лысые почувствовали всплески наших эмоций. После короткой стычки с Пашиными преследователями и поспешного бегства мы действительно были очень взволнованы. А с этими существами важно не только ухо остро держать, но и контролировать любые эмоции.

Теперь они бесшумно подкрались к двери. Кто бы сомневался. Мы их чувствовали и понимали, что они тоже чувствуют наше присутствие. Хуже некуда вступать в схватку с мутантами, которые когда-то были людьми и человеческую природу

ду знали не понаслышке.

Сокрушительный удар внес входную дверь внутрь квартиры. Такой удар без применения взрывчатых веществ мог бы нанести разве что ковш экскаватора. Обломки раздолбанной дверной коробки долетели аж до окна, под которым сидел я. Вернее, сидел миг назад, потому что рефлексy уже дернули меня в сторону, я прикрыл рукой лицо и послал навстречу гостям гранату из подствольного гранатомета. Раздался чудовищный грохот и непереносимый для человеческого восприятия, inferнальный визг.

Тела тварей вынесло обратно на лестницу. Запахло горелым мясом и вонью вспыхнувших обрывков ткани. Пашка выпустил из автомата длинную очередь в дымную прорезь дверного проема.

– Кранты вам, сволочи! – завопил Интернет. Он оттянулся назад и метнул в темный провал подъезда зеленый бочонок гранаты.

Я вцепился в рукав потрепанной куртки Пашки. Взрывы порядком вдарили по нашим барабанным перепонкам, так что мне пришлось несколько раз прокричать, отчетливо артикулируя:

– Сваливаем! Уходим!

Паша-Интернет, воодушевленный боем и порцией воды, моментально открыл окна. Путь на улицу был свободен.

– Тю, второй этаж, всего-то ничего!

Он утвердился задницей на подоконнике и одним движе-

нием кувыркнулся вниз. Я только успел коротко выругаться. Если он сейчас сломает ногу или получит еще какой-нибудь вывих, то я ему добавлю лично от себя свернутую челюсть. Иначе никак. Случалось, что человек вырывался из сложнейшей ситуации, а потом в горячке вдруг начинал пренебрегать мерами безопасности и как следствие – получал кусок свинца в брюхо. Или пару покалеченных конечностей.

Я подготовился, перекинул через подоконник рюкзак, нащупал пятками на наружной стене некое подобие карниза, утвердился на нем, скомпенсировав больше метра высоты, и только после этого скользнул вниз, к земле. Пашка, идит, вполне закономерно растянул при прыжке лодыжку. Похоже, несчастья последних дней совершенно вывели его из равновесия. Или это вода из моей фляжки его так опьянила? Чтобы привести товарища в чувство, я отвесил оплеуху. Никогда я его таким развинченным не видел.

– Паша, я тащить тебя не буду. В крайнем случае пристрелю, чтобы тебя твари не сожрали живьем.

Интернет досадливо крякнул и поковылял вдоль стены дома в сторону ближайшего угла. Я с облегчением вздохнул, увидев, что хромает он совсем чуть-чуть.

– Ничего, расхожусь, – успокоил меня Паша. – Вымотался я просто за эти дни по самое не могу.

Я с огорчением покачал головой. Вот ведь неугомонный человек, оптимист хренов! Расходится он... Я бросил быстрый взгляд по сторонам, в том числе на окно, через которое

мы только что катапультировались. В темном зеве было пусто, что меня очень порадовало.

Я закинул на спину рюкзак, перевесил автомат посподручнее, а в руки взял пистолет с глушителем. Паше шепнул:

– Прикроешь.

Пусто за углом, лишь где-то неподалеку от нас, в месте, где остался раненый Пашкин преследователь, раздался предсмертный крик. Похоже, до него уже добрались мутанты.

Я поднял к небу лицо. Над головой летали одинокие снежинки. «Надо же, снег, – удивился я про себя, – а ведь еще и октябрь не наступил».

Я потянул Пашку за собой, предложив:

– Наискосок от угла дома давай, может, вырвемся.

Мы рванули прямо сквозь густые кусты... или, можно сказать без преувеличений, сквозь настоящий лес посреди заброшенного города. По пути среди зарослей сирени и боярышника стали встречаться детские площадки: еще старой постройки скрипучие качели из труб с облупившейся краской, соединенных между собой сваркой и оплетенных омерзительными на вид лианами. Попадались еще какие-то игровые металлические конструкции новой формации, хотя самым новым в них была ярко-оранжевая паутина по углам.

– Скорей давай, парашютист хренов, шевели колготками, – подгонял я товарища. – Едва из-за твоей эквилибристики в лапы мутантов не попали.

Паша что-то неразборчиво в ответ мычал, экономя дыха-

ние.

Мы добежали через огромный двор до очередной по счету пятиэтажки, заскочили за угол и тут уже перешли на шаг. Силы нужно беречь для настоящей опасности.

– Вон там, чуть дальше – овраг почти на километр, прямо по центру города, – предупредил Паша. – Но я знаю, где и как через него перебраться на ту сторону.

Я обратил внимание, что он уже почти не хромал. Прямо железный человек, ничем его не проймешь.

Мы остановились на кромке оврага, и я присвистнул от удивления. Разлом был широк и глубок, не меньше трех этажей жилого дома вошло бы. Весь он был завален легковыми автомобилями, фургонами и даже бронированной военной техникой. В одном месте, по всей видимости, при ударе о дно вспыхнула легковушка, от нее пламя перекинулось на соседние машины, и сейчас там остались лишь обгорелые остовы. Люки на военной технике были все как один вскрыты, двери и багажники на гражданских авто распахнуты настежь или безо всяких изысков банально взломаны. Рядом с ними прямо на земле валялись распотрошенные чемоданы и сумки. Это уже мародеры постарались в поисках нужных в зоне бедствия вещей. Даже нормальный человек в отсутствие законов с лихвой погружался в хаос.

Вперемежку с техникой громоздились друг на друге зеленые армейские ящики из-под боеприпасов, столбы, опутанные колючей проволокой, которыми военные и полиция

ограждали коридоры эвакуации и временные пункты содержания гражданских лиц. Все это посыпалось на дно оврага, когда поверхность земли стала расходиться глубоким разломом. В густой и местами высокой траве я заметил несколько обглоданных начисто скелетов. Ветер нанес в овраг кучу мелкого мусора. Полиэтиленовые пакеты и сейчас висели, колышась на слабом ветру, зацепившись за ветви кустов. Этот апокалиптический пейзаж выглядел удручающе. Я почувствовал, как начала дергаться щека.

– В этом овраге фон радиационный никак не уменьшается, – предупредил Паша. – Надо бы химии наглотаться. Есть у тебя какие-нибудь препараты? А то я пустой.

– Давай наглотаемся, – не стал спорить я. – Есть у меня препараты в нужном количестве, я ведь только из-за Периметра.

Я достал из нагрудного кармана упаковку таблеток, вытащил флажку, протянул Паше.

– Небось, с той стороны водичка? – с некоторой долей грусти спросил Паша.

– С той стороны, – подтвердил я.

– Когда Зона совершила очередной скачок, я на улице находился, – приглушенным голосом рассказывал Паша, пока мы неторопливо спускались по склону, бросая настороженные взгляды по сторонам. – Веришь, земля вдруг мощно так загудела, а под моими ногами асфальт трещиной зазмеился.

– Почему не верю, я ведь в это время в двадцати километ-

рах от тебя находился и тоже в городке, только поменьше, – немедленно откликнулся я. – Мне тоже есть что вспомнить, и землю там тоже нехило трясло.

– Реакция спасла, – не замечая ремарки, продолжил свой рассказ Паша. – Я в сторону бросился. Трещина узкая, но глубокая, мне оттуда ни за что бы не выбраться. Застрял бы я там между узких стенок, так бы и умер от жажды и голода, а потом в мумию превратился. А после очередного выброса стал бы ходячим мертвяком... или, вон, лысым.

– Фантазер! – фыркнул я.

– Людей довольно быстро начали эвакуировать. Опыт же уже имелся, хотя и более чем печальный. Знали все доподлинно, что если Зона кусок земли отхватила, то ни за какие коврижки уже обратно не отдаст. Перепахала она всю местность оврагами и глубокими разломами, видно, намекая, что людям здесь делать больше нечего. Многие жилые дома пошли трещинами, другие и вовсе стали крениться, а потом рухнули.

– Точно так же, как и везде. А эвакуация, небось, со стрельбой и жуткой паникой? – уточнил я, хотя уже и сам знал ответ.

– Люди везде одинаковые, – ответил Паша, пожав плечами. Он поскользнулся, проехался на спине пару метров по влажной траве и уперся подошвами ботинок в бок перевернутой легковушки. Та не достигла дна оврага, наткнувшись на изогнутый ствол березки. Чрезвычайно довольный благо-

получным исходом падения, Паша повернул голову ко мне и продолжил: – Когда несколько лет назад Зона еще только появилась и занимала маленькую территорию – ты ведь сам знаешь, чем это закончилось.

Я нахмурился от неприятных воспоминаний. Как будто из-под земли отребье всякое начало вылезать, насилие царило повсеместное, огнестрельное оружие сразу же появилось в невероятных количествах.

– Вот-вот, – кивнул Паша. – Банды возникли мгновенно. Думаешь, что-то изменилось? А вот ни фиги, по-прежнему отстреливают друг друга, делят сферы влияния, и конца этой бойне нет. Только мелкие объединились, скумекав, что так проще выживать и грабить.

– Напрасливается аналогия с любым государственным строем в истории человечества, – сказал я. – Разрозненные сообщества так же объединяются, укрупняются, а дальше создают коалиции, чтобы дербанить более слабых.

Паша сглотнул и продолжил:

– Мародерством тоже уже перестали брезговать. В одном только Волоколамске материальных ценностей скопилось на миллиарды. Складов осталось, забитых под завязку, столько, что вывозить и вывозить за Периметр.

– За время моего отсутствия ничего поменялось, – с грустью подытожил я и тут же встрепенулся. – Хотя нет! Скажи-ка мне, друг Интернет, что это с живностью произошло? Где дикие кабаны, где упыри, где бесы? Ни одного пока не

встретил, хотя других мутов уже наблюдал. И раньше я таких точно не видел.

– А шут его знает! – легкомысленно пожал плечами приятель. – Я толком и не заметил, когда одни виды сменились другими. Это же все постепенно происходило. Ну, сперва просто было очевидно, что кабанов стало меньше, а незнакомой нечисти больше. Так поди угадай, отстреливают хрюшек настолько тщательно или это аномальная эволюция постаралась – придумала более жизнеспособные виды на смену отмирающим.

– Да ну на фиг, какие ж они отмирающие?! Я думал, кабаны и упыри – вечны! – недоверчиво хмыкнул я.

– Так, может, и живут себе где-нибудь в Волоколамске и Шаховской, – отмахнулся Пашка. – Типа, там их ареал. А здесь ты на них вряд ли наткнешься. И слава богу! Кстати, с аномалиями аналогичная фигня: я «алого вихря» аж с весны не встречал. А помнишь, скольких наших он в свое время укокошил? Вот то-то... Нет, жаловаться грех: сейчас и аномалии не такие частые и жесткие, и муты не такие настырные и бессмертные. Впрочем, я не то чтобы месяцами из Зоны не вылезая, так что допускаю, что мне тупо повезло не нарваться на нечто серьезное и лютое.

Мы достигли дна оврага. Рядом с нами горой лежали друг на друге легковые автомобили. Искореженные кузова, выбитые стекла. Я горестно помотал головой – печальное зрелище. Паша полез на фургон, который расположился поперек

оврага. Похоже, при падении он несколько раз кувыркался через себя. Во многих местах помятая при падении, крыша фургона страдальчески закрипела под весом товарища.

– Сейчас по дну оврага гадость какая-то стала течь, – пояснил Паша, среагировав на мой недоуменный взгляд, – мочить обувь не советую. Родник токсичный вон там, чуть подалее, из-под земли бьет. Так что овраг – своего рода русло ручья. Обустроивается Зона помаленьку, ландшафт по своему образу меняет. А мы это кладбище погибших автомобилей вынуждены использовать как переправу на ту сторону.

– Так что` тут, говоришь, с радиацией? – поинтересовался я.

– Фонит. Но не сильно, не боись, чуть выше нормы.

Делать нечего, я полез за своим более опытным товарищем. Все же я в этот город попал два дня назад (если не считать поездок в прошлом, когда Зоной тут и не пахло), а Паша, насколько я знал, обитал здесь уже несколько месяцев. Мы спрыгнули с фургона в высокую пожухлую траву на противоположном склоне. Паша вытянул шею и попытался оглядеть окрестности по-над краем оврага, но угол был не тот.

– Фобия у меня какая-то непонятная, – с досадой пробурчал он себе под нос, – как пересекаю этот овраг, все кажется, будто тут сверху кто-то подкрался, пока я там спускался вниз. – Паша повернулся к опрокинутому фургону, ткнул пальцем под днище. – Видишь, дрянь какая здесь протекает?

Я с интересом оглянулся. Действительно, хилый ручеек серо-молочного цвета протекал по дну и казался очень густым, словно эмульсия.

– Ты всегда только в этом месте пересекаешь овраг? – любопытно спросил я.

Паша с пониманием посмотрел на меня, отрицательно качнул головой.

– Конечно, нет. Нешто я не соображаю, что нельзя проходить всегда одним и тем же маршрутом? Банд в городе предостаточно, обязательно попытаются или подстрелить, или захватить в плен.

Раннее утро успешно вступило в свои права. Сквозь хмарь на небе едва угадывался тусклый шарик солнца. Снегопад прекратился, так толком и не начавшись. Стало более-менее светло. Я высунул голову над кромкой срезанного обвалом асфальта. Сквозь трещины пробивалась невысокая трава. Я еще раз внимательно огляделся по сторонам, прежде чем подняться наверх.

– Что там? – вполголоса поинтересовался Паша.

– Нормально все, – успокоил я товарища и тут же себя одернул – рановато обрадовался.

Вначале послышалось едва слышное шарканье ног. Я переместил автомат, поймал на мушкудвигающееся враскачку тело зомби и уже готов был выстрелить, как вдруг мои ноги неожиданно заскользили по влажной глине. Я пузом проехался по земле и вроде утвердился. Как оказалось – уперся

рюкзаком в Пашу.

– Алгоритм, мать твою, ты что творишь? – возмутился Интернет.

– Катаюсь, блин, не видишь, что ли? Зомби, – проинформировал я и отвалился в сторону, давая Паше обзор.

Паша немедленно выхватил пистолет и стал торопливо накручивать глушитель. Все правильно, нам лишний шум ни к чему. Паша уперся для удобства локтями в склон и застыл в ожидании. Прошло несколько томительных секунд в полной тишине, лишь легкий ветерок где-то над нашими головами едва слышно шелестел листвой. Мы с напряжением ждали. Я по-прежнему сжимал в руках свое оружие, так, на всякий случай, вдруг, кроме зомби, какая-нибудь более резкая в движении тварь объявится.

– Сколько их там? – через некоторое время спросил Паша и пожаловался: – Шея уже начала от напряжения затекать.

– Только одного видел, – сообщил я и стал осторожно подниматься наверх.

Паша остался на месте, прикрывая меня.

Наконец в поле зрения появилась голова с тусклым взглядом и безжизненным лицом. Она при ходьбе медленно качалась из стороны в сторону на дряблой, будто тряпичной шее. Обнаружив нас, зомби что-то невнятно замычал, не останавливаясь и постепенно приближаясь к нам. Мы пока не стреляли, на всякий случай выжидая. Возможно, за этим товарищем в отдалении вышагивал еще целый сонм таких же ли-

шенных рассудка людей. В этом случае не стоило рисковать, уж лучше бросить гранату, а потом раненых добить одиночными выстрелами и сразу в темпе уносить ноги подальше от этого места.

Теперь зомби стал уже виден по пояс. Он вдруг более энергично замычал и потянул с плеча автомат. Лицо его при этом не выражало совершенно никаких эмоций. Хладнокровный и опытный в таких делах Паша-Интернет наконец-то счел, что настал удобный момент, и выстрелил. Его пистолет, снабженный глушителем, издал негромкий «пуфф», и во лбу «мертвяка» появилось круглое отверстие. Зомби, по-прежнему без каких-либо эмоций на лице, медленно завалился назад.

Я одним рывком подтянулся к кромке, огляделся по сторонам. Похоже, этот крендель путешествовал в одиночестве. Его труп сиротливо лежал на асфальте между двух побитых ржавчиной легковушек. Ветерок раскачивал тонкие стебельки побуревшей травы, и они словно ласкали мертвое лицо.

Я поднялся на кромку и протянул руку Паше. Мой товарищ, кряхтя от усилия, выбрался наверх. Укрываясь за кустами, мы метнулись к ближайшей легковушке, сели на асфальт, спинами привалились к кузову. Маленький отдых нам совершенно точно не помешает. Тем более расправа над зомби прошла практически в полной тишине, и нам некуда было спешить.

– Ослаб ты, Паша, убежище нужно надежное искать, –

предложил я, озабоченно поглядывая на его серое лицо.

– Это верно, отдых бы мне не повредил, – легко согласился Паша. Он устало прикрыл глаза. – Пока не двигаюсь, вроде еще вполне нормально себя чувствую, и слабость отступает, а как любое физическое усилие – и руки-ноги свинцом наливаются.

– Отоспаться бы тебе как следует, отъесться. Посиди пока здесь, я пока зомбака осмотрю.

– Охота тебе с ним возиться, – буркнул Паша, широко зевнул и смежил веки.

Прикрываясь ржавыми легковушками и пригибаясь, я добрался до трупа, потянул на себя ремень и отстегнул с автомата зомби магазин. Как и следовало ожидать, тот оказался пуст. «Мертвяки» немедленно начинали шмалять на поражение, по какой-то причине предпочитая отстреливать только людей. Интуитивно мстили нам за то, что наш разум, в отличие от их, не свихнулся? Мутанты из людей при неожиданной встрече моментально внедрялись в их не защищенный от ментального воздействия мозг, призывая их на службу себе. В ином случае зазевавшегося человека-мутанта зомби так же безжалостно отстреливали. С животными, которые подвергались мутациям и превращались в монстров, у зомби установились крайне теплые отношения. Я не единожды видел, как твари при встрече с зомби ластились к их ногам. Одним словом, парадокс.

Я проверил магазины в карманах разгрузки, тоже все как

один пустые. Вытряхнул из армейского мешка прямо на асфальт все содержимое, надеясь среди вещей обнаружить какую-нибудь полезную штучковину в виде прицела или прибора ночного видения, а то и какой-нибудь крутой импортной аптечки. Но шиш мне, как говорится, с маслом.

Я вернулся к Паше.

– Что, разбогател? – едва приоткрыв один глаз, лениво поинтересовался он.

– Двумя десятками патронов россыпью разжился.

– И то хлеб, – похвалил мое усердие напарник. – В Зоне патроны очень быстро заканчиваются.

Я приподнялся на колени, достал бинокль и стал обозревать окрестности, дожидаясь, пока мой приятель немного придет в себя. Заводы и фабрики уже давно не работали, небо очистилось от дыма и жирной копоти от подбитой неизвестными военной техники, только вечная серая мгла продолжала скрывать от людей чистоту голубого неба.

– Слышь, Паш? – тихо окликнул я своего приятеля, надеюсь, что он не провалился в сон.

– Чего тебе? – отозвался он, тяжело вздохнув.

– А ведь там, гораздо выше этих серых облаков, наверное, голубое небо и светит солнце, – мечтательно произнес я.

– Скорее всего, так и есть, – лениво ответил Паша, приоткрыв глаза. – Летишь, бывало, раньше на самолете на высоте десять тысяч метров... в отпуск... на море... и с восторгом в иллюминатор смотришь. А под тобой словно снежная

равнина раскинулась. Солнцем освещенная. Даже не верится, что солнечные лучи не могут пробиться через плотный слой облаков и под белоснежной гладью – серое небо для всех обитателей этой части земли.

Мы замолчали, думая каждый о счастливом, как теперь оказалось, прошлом. Самое смешное, что еще несколько дней назад я мог бы наслаждаться полетами в безбрежной вышине, проводить отпуск на море, нежиться под жгучим солнцем... Но, как и напарник, предпочел вечную серую хмарь над аномальной территорией.

Через несколько минут Паша с кряхтением стал подниматься на ноги.

– Есть у меня неплохая нора-конура, надо туда добираться. Не могу долго находиться на открытом пространстве. Укатали сивку крутые горки.

– Да, брат, под защитой четырех стен как-то чувствуешь себя гораздо уверенней, – вынужден был согласиться я.

Паша, ни слова не говоря, перебежал до следующей заброшенной машины. Я, прикрывая его тыл, последовал за ним. О порядке передвижения мы даже не договаривались, и так все понятно и выверено кровью.

Обогнув несколько домов, мы приблизились к внушительному по площади торговому центру.

– Здесь, что ли, твоя нора? – поинтересовался я.

– Здесь, – разочарованным тоном произнес Паша.

– Что такое? – сразу же напрягся я.

– А ты сам посмотри, – посоветовал Паша.

Я выдвинулся на несколько шагов под предлогом поиска лучшей позиции для наблюдения, но только создал видимость, что осматриваю здание через оптику. На самом деле я прикрыл глаза и стал мысленно сканировать пространство в заданном направлении в поисках всплесков мозговой активности. Паше, хоть и безоговорочно ему доверял, я пока не хотел признаваться в своем умении. Еще мутантом меня объявит, запаникует и сгоряча пристрелит. Слишком много людей в последнее время стали подвергаться мутации, и чаще всего они становились кровожадными монстрами. Иногда эти парни до мутации были твоими самыми надежными товарищами. Сталкерский мир и взаимоотношения между сталкерами очень сильно изменились.

Я почувствовал слабые всплески мозговой активности в стороне торгового центра. Какие-то люди находились в полной неподвижности, словно чего-то ждали.

– Засада, похоже, Паш. Или кто-то там конкретно обосновался, – был вынужден я огорчить своего товарища.

Паша немного подумал и предложил:

– Через пару зданий новостройка незаконченная находится, можно там временно перекантоваться.

– Пошли.

Мы пересекли еще один густо заросший зеленью двор и приблизились ко второму двору. Здесь мы застыли у стены дома.

– Носимся тут, прячемся, а со станции «Мир» космонавты за нами наблюдают и обхохатываются до колик в животе, – недовольно пробурчал Паша. – Бесплатное кино в приключенческом жанре.

Я одобрительно хмыкнул и скомандовал:

– Вперед.

Мы нырнули в один из темных подъездов новостройки и стали медленно подниматься по лестнице на верхние этажи. Я шел ведущим, Паша на некотором расстоянии позади, сверяясь с показаниями детектора аномалий. Нам повезло – их тут не было.

Наконец мы добрались до последнего, девятого этажа. Паша догнал меня и потянул в сторону узкого коридора. Дверей нигде не было, сплошные бетонные перегородки. По коридору мы прошли в полуфабрикат угловой квартиры, которому уже не стать квартирой полноценной, добрались до самой дальней большой комнаты. Из нее просматривался коридор, потолок над нами отсутствовал. Мы присели у поддона с кирпичами, оставшимися здесь с незапамятных времен, и Паша сразу же достал из хлипкого на вид рюкзака складной таганок и кубики сухого спирта. Он взглянул на меня и самым нахальным образом потребовал:

– Доставай чего-нибудь! Жрать охота! Ты ж недавно в Зону пришел, рюкзак, вон, так и ломится от припасов.

Я не стал учить товарища хорошим манерам, а просто выдал ему пару банок. Одновременно я бросил оценивающий

взгляд на его тощую котомку, валяющуюся на бетонном полу. Теперь, когда Интернет вынул изнутри таганок, стало заметно, что лежит в рюкзаке еще один продолговатый предмет, угловатый и явно тяжелый – иначе что же оттягивало его плечи по дороге? Паша проследил за моим взглядом, но промолчал.

Через полчаса мой спутник развалился на бетонном полу, подложив под голову рюкзак с таинственным предметом. Я от щедрот своих временно выделил приятелю туристическую «пенку» (должен же кто-то позаботиться о его почках!), поскольку свой коврик он благополучно потерял, пока от преследования удирал. Я забросал единственный проход в комнату пустыми поддонами, а сам примостился у проема на балкон.

Паша едва слышно дышал во сне, а я любовался городом, невысокие здания которого постепенно скрывались за тянущимися к небу деревьями. Если Зона не отступит или отступит нескоро, то лет этак через сто про этот город забудут, а потом, лет еще через пятьсот, вновь обнаружат, и его развалины заполонят археологи и палеонтологи. Вот смеху-то будет, когда они станут разбираться с обитавшими здесь видами!

Через три часа Паша заворочался, привстал на локтях и окинул мутными со сна глазами комнату. Серость и бледность после сытной еды и отдыха совсем сошли с его лица, но до румянца на щеках было еще далеко. К тому же ему все

еще не мешало умыться. Паша зевнул и жалобным голосом признался:

– Курить хочется до тошноты, да нельзя. – На мой вопросительный взгляд он пояснил: – Перед каждым рейдом в Зону бросаю курить, так и мучаюсь.

Он бросил на мой рюкзак жаждущий взгляд. Я вошел в его положение и милостиво разрешил:

– Бери что хочешь, брат, тебе теперь, чтобы прежнюю силу вернуть, отъедаться нужно.

Через некоторое время, щурясь, словно мартовский кот, Паша присел напротив меня. Мы не спешили приступать к обсуждению планов. Мой теперешний попутчик уже возвращался из ходки, я – только зашел на запретную территорию, так что вроде бы дальше нам было не по пути. Но как знать? Моя помощь приятелю уже пригодилась, да и его поддержка мне может быть очень кстати, так что...

Мои мысли незаметно переключились на Веру – девушку, которую я сопровождал внутри Периметра в один из тех дней, когда Зона, совершив скачок, только начала расширяться¹. Обстоятельства знакомства с ней были такими, что неразрывно ассоциировались с Пашей: мы оба тогда находились в приемной начальника отделения полиции, и если бы не я вызвался быть проводником Веры, то это наверняка сделал бы мой приятель. А вот спас бы он ее, как я... Впрочем,

---

¹ Читайте эту историю в романе Александра Собынина «Подмосковье. Эпоха раскола» (АСТ, 2019).

и она меня спасла, так что в этом смысле мы квиты, никакого Долга Жизни ни на одном из нас нет. Мои едва начавшиеся поиски имели совсем другую причину.

Только выйдя из Зоны (в десятый раз и, как всегда, на-совсем), я понял, как много Вера стала значить для меня. Судьба, непреодолимая сила, спецслужбы, мутант-из-мутантов – казалось бы, все против нас. Встретились – разбежались. Бывает. К тому же я не знал наверняка, выжила ли она. Все-таки оставил я ее в той избушке при весьма неоднозначных обстоятельствах, хотя сделал для девушки все, что было в моих силах, и даже больше. Буквально пожертвовал своей жизнью ради ее здоровья.

А совсем недавно понял, что сойду с ума, если не отыщу ее или хотя бы не разузнаю, что с ней стало.

– Да на кой тебе эта девчонка? – неожиданно прозвучал вопрос Паши.

Он тут же встрепенулся, в глазах мелькнул испуг, да поздно. Попался приятель. Ствол моего автомата уже смотрел в низ его живота. Большой палец заученным движением снял оружие с предохранителя, указательный напрягся на спусковом крючке.

– Я ничего не говорил тебе про Веру, – холодно сказал я. Лицо Паши покрылось испариной.

– Разве? – с кривой улыбкой выдавил он из себя. Сам он сидел не двигаясь, боясь спровоцировать меня на выстрел. – Наверное, задумался и произнес ее имя вслух. Бывает. У ме-

ня вот тоже...

– Я не говорил о Вере, – игнорируя бессвязный лепет, отчеканил я.

Паша-Интернет посопел, решаясь.

– Я, брат, телепатом стал, – наконец дрожащим голосом произнес он и едва заметно развел ладони, будто извиняясь за сказанное. – Но ты, похоже, и сам только что догадался.

Мой указательный палец шевельнулся на спусковом крючке. Пашины глаза округлились.

– Эй, да погоди ты! Может, это и не мутация! Мало, что ли, на «гражданке» экстрасенсов, которые в Зоне ни разу не бывали?! Они тоже умеют мысли читать! Всякие там потомственные ясновидящие и прочие гадалки, а то ты не знаешь! Может, и у меня это наследственное или врожденное, просто раскрылось здесь и сейчас! – Справившись с волнением, Паша перевел дух и, все так же не отводя глаз от черного зрачка дула, глухим голосом произнес: – Только я читаю не мысли, а образы. Я тебе не враг, поверь, брат. Задумался я, расслабился, сам не заметил, как твои мысленные картинки стал принимать. Решил, что ты вслух про Веру сказал. А девушку я по образу в твоей голове узнал. Видел я ее тогда в отделе полиции, мы ж вместе там были! И потом вас провожал до городской окраины. То ведь еще приключение было, помнишь?

Я особо не слушал. Телепат, эмпат – разница невелика. Вопрос в другом: что еще, какие еще образы и эмоции он су-

мел выудить из моей черепушки, когда «расслабился» и «задумался»? Знает ли он уже о моих собственных аномалиях, о сверхчувственном восприятии?

Я решил блефовать до конца.

– Как же вас, мутантов злосчастных, со стопроцентной вероятностью вычислять? – с горечью качнул я головой. – По какому признаку отличить особь, которая по своим моральным качествам осталась человеком, от мутанта в человеческом обличье?

У Паши нервно дернулась щека.

– Тебе решать.

Где-то на нижних этажах ощутило грохнуло. Я на секунду потерял концентрацию, и Интернет этим воспользовался. Все же парень был прежде всего настоящим сталкером. Он молниеносно выбил из моих рук автомат, буквально взвился над полом и ринулся к выходу, по пути подцепив свой рюкзак. Я поспешно схватился за оружие, но Паша уже скрылся в одном из проходов.

Я, не спуская глаз с коридора, поспешно скатал в тонкий рулон «пенку» и прицепил ее к рюкзаку. Гадкое чувство, что я доверился мутанту, теперь не отпускало. Сматываться нужно было по-быстрому.

– Чертов Пашка, при ближайшей встрече я выпущу тебе кишки, – едва слышно прохрипел я. – Ферштейн?

Как же я так потерял бдительность и доверился ему? Медленно спускаясь по ступеням, я железной хваткой стискивал

в руках автомат. Вот он – мой единственный напарник в этом жестоком мире, и потерять мне его никак нельзя.

А с другой стороны, сколько еще таких же парней, которые тоже, сами того не желая, получили от Зоны «подарочек», только тщательно это скрывают? И неудивительно, что скрывают: Пашке, как и мне, как и любому здравомыслящему человеку, категорически не хотелось бы прослыть мутантом, выродком. Они, может, и не пользовались ни разу своим даром... Да и по барабану, честно говоря, пусть себе пользуются, коли есть чем. В былые времена сталкеры отличались друг от друга умением выживать в Зоне и постоять за себя, и все средства были хороши, за исключением низости и предательства. Разве кто-нибудь отказался бы от дополнительных ништяков вроде умения читать мысли или чувствовать мутировавших тварей за пару километров?

Может, и зря я устроил Пашке такое. Могли бы просто пообщаться начистоту, тем более что у меня у самого рыльце в пушку. Впрочем, для честного разговора нужно пуд соли съесть в совместных рейдах по Зоне. Мы же, хоть и были приятелями, вместе работали недолго, да и времени с той поры прошло немало.

На первом этаже я взломал крохотный замок и забрел в небольшую комнатку с прозрачными стенами. После сдачи дома здесь, видимо, предполагалось посадить консьержа, а пока объект не был сдан – тут наверняка ютился сторож, иначе и не объяснить, почему во всем здании стекла отсутству-

ют, а тут все застеклено. Я рухнул на пол и прислонился спиной к стене. Плохо, когда ты пьяный шагаешь по Зоне, и все же я достал фляжку и забулькал коньяком.

Некоторое время я сидел на полу почти безжизненным кулем. В голове шумело.

Глава 2

Еще отпив из фляжки, я поднялся на ноги, пнул дверь, вымещая на ней накопившуюся усталость и раздражение от встречи с этим опасным и непредсказуемым миром, и весь такой озлобленный на целый мир выбрался на улицу. Здесь я на некоторое время прильнул к стене дома, подышал полной грудью. Неподалеку виднелось здание местного вокзала. Вокзал – сооружение крупное, приметное и наверняка облюбованное какой-нибудь группировкой. Нафиг-нафиг, Лондон левее. В том смысле, что сию минуту я не в форме, чтобы с представителями клана общаться. Я поперся напрямик через заросли, покрывшие все свободное пространство города. Через густую взвесь облаков, напоминающих туман, едва просвечивал громадный диск солнца.

– Наросла здесь черт знает какая гадость, – недовольно пробурчал я сам себе под нос и принял. В этом месте остро воняло какой-то химией, дурманящей мозг. Еще неподалеку что-то громко щелкало и с отвратительным звуком лопалось. Я остановился и стал с напряжением прислушиваться. Еще не дай бог в этих зарослях в аномалию случайно вляпаться. Найдет какой-нибудь сталкер мои останки, определит имя и кличку, вот потом потешаться все будут, как я по своей глупости попал в переплет!

Но пьяных сталкеров, похоже, ничего не берет. Видно, са-

ма матушка-Зона с интересом наблюдает за их абсурдными поступками и не собирается лишать себя развлечения. Я благополучно выбрался из зарослей практически на рельсы и тут же набрел на чей-то труп. С сомнением пригляделся. Даже и не определишь с ходу, свой это сталкер или попросту бандит.

Труп валялся на спине, широко раскинув ноги. Пластины бронежилета на грудной клетке были разворочены крупнокалиберной пулей. Едва осознав этот факт, я моментально сложился в поясе и рухнул рядом. Похоже, товарища сняли из снайперской винтовки. Без какой-либо корыстной причины, потому что оружие и рюкзак находились при нем. Может, он, конечно, представлял угрозу для кого-то. А может, тут порядки такие – отстреливать всех праздношатающихся. Шлепнули мужика совсем недавно, иначе стая одичавших собак или иного зверья давно бы обглодала его тело.

Привстав, я стал осматриваться прямо перед собой и по сторонам. Здание вокзала находилось справа, а прямо по курсу высилось узкое сооружение, напоминающее по форме водонапорную башню. С этой точки, что ли, работали? Тогда почему по мне не стали стрелять, если я вывалился из кустов, словно ростовая мишень?

Я осторожно потянул к себе за ремень автомат мертвеца. Отстегнул магазин и присвистнул: тот был доверху набит патронами. Его я сунул себе в карман разгрузки. Автомат отложил в сторону. Ни к чему он мне. Что я, в самом деле, од-

новременно с двух стволов, что ли, шарашить буду? Да и вес на себе лишний таскать – оно мне надо?

Раньше я, кстати, жутко брезговал мертвецами, было противно прикоснуться к ним даже сквозь одежду. А теперь я снял с трупа рюкзачок, вскрыл, покопался в нем и переложил к себе две коробки сухого пайка. Надо же пополнить свои запасы? Мои-то Пашка-мутант основательно проредил, когда совершенно бессовестно восстанавливал свои силы на моих харчах. Ага, еще пара заполненных патронами магазинов. Их я сунул к себе в рюкзак – в карманах разгрузки больше места свободного не было. Теперь я не только свое тело бронжилетом прикрыл, но и магазины в разгрузке своего рода стали препятствием для бандитских пуль. Гранату Ф-1 нашел. Обрадовался, хорошее приобретение. Обнаружил еще на дне рюкзака ночной прицел, поколебался немного – брать, не брать? У меня точно такой же в футляре в кармане рюкзака приютился. Все же природная жадность победила, забрал я ночной прицел. Ценная вещь. Весу в нем совсем ничего, а при случае можно обменять на что-нибудь полезное или продать. Что еще? Во внутреннем кармане куртки нашлась какая-то схема – явно подземные коммуникации. Сложенный вчетверо лист оказался весь испещрен карандашными пометками, которые были мне непонятны, но подобная скрупулезность и педантичность мне imponировали: если человек потратил кучу времени на условные обозначения, значит, это важно и может пригодиться в будущем. Так... Ком-

пас, ну он мне ни к чему. У меня у самого на всякий случай на запястье такой же прикреплен – это если планшет от очередного буйства аномальной энергии примется сбоить и я начну испытывать трудности с определением своего местоположения. На другом запястье мертвеца тускло поблескивал циферблат ручных часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.